

Научная статья

УДК 162.6

doi: 10.17223/1998863X/77/2

СПОРЫ О НЕВОЗМОЖНОМ: ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПРЕСУППОЗИЦИИ И ЦЕЛИ

Иван Борисович Микиртумов¹, Константин Геннадьевич Фролов²

¹ *Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Санкт-Петербург, Россия*

² *Институт философии РАН, Москва, Россия*

^{1,2} *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *imikirtumov@hse.ru*

² *kgfrolov@hse.ru*

Аннотация. Объектом настоящего исследования выступает класс споров, чей предмет представляет собой невозможное с практической точки зрения положение дел или несуществующее действие. Мы утверждаем, что в основе выбора позиции каждой из сторон в рамках такого спора лежит та или иная прагматическая presupposition, которая представляет собой совокупность предполагаемых причинных связей внутри обсуждаемого фрагмента мира, а также представление об агентности участвующих сторон. Характер прагматических presuppositions и их соотношение с наблюдаемыми проявлениями прагматических presuppositions других сторон спора определяют для каждого из участников набор косвенных целей, преследуемых им в споре подобного типа.

Ключевые слова: теория аргументации, прагматическая presupposition, делиберация, метадискурсивность, практическая модальность.

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта РФФ 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора» в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Микиртумов И.Б., Фролов К.Г. Споры о невозможном: прагматические presuppositions и цели // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 17–31. doi: 10.17223/1998863X/77/2

Original article

DEBATES ABOUT THE IMPOSSIBLE: PRAGMATIC PRESUPPOSITIONS AND AIMS

Ivan B. Mikirtumov¹, Konstantin G. Frolov²

¹ *National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russian Federation*

² *Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

^{1,2} *St. Petersburg state university, St. Petersburg, Russian Federation*

¹ *imikirtumov@hse.ru*

² *kgfrolov@hse.ru*

Abstract. The aim of the article is to explore a class of debates where subject is an impossible state of affairs or an impossible action. We argue that the choice of position in such a debate is based on agent's pragmatic presupposition, which is a set of assumed causal relations within the fragment of the world accompanied by the idea of agency. The content of pragmatic presupposition and its relations with known pragmatic presuppositions of other parties determines for each participant a set of her indirect aims of the dispute. In the model we use, there are three stages of debates: a dispute about agenda, a discussion of the merits of the case, and a deliberation about the action. Within each of these stages, the parties may have a separate set of indirect aims. For the first stage of the debate, the most typical indirect aim of each of the parties is to declare themselves. For the second stage of the debate, the dominant indirect aim is to influence the audience and maintain one's own authority in its eyes. Finally, for the third stage of the debate, the most typical indirect aim is to achieve any positive consequences even if there is obviously no possibility of realizing what is being discussed.

Keywords: theory of argumentation, pragmatic presupposition, deliberation, metadiscursivity, practical modality

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00158.

For citation: Mikirtumov, I.B. & Frolov, K.G. (2024) Debates about the impossible: pragmatic presuppositions and aims. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 17–31. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/2

Введение

Одним из необходимых условий ведения спора как деятельности, предполагающей несение сторонами различного рода издержек – временных, эмоциональных, интеллектуальных, физических и других, – является наличие ожиданий у каждой из сторон и у аудитории, что эти издержки будут в конечном итоге оправданы некоей полезностью. Как только уверенность в этом утрачивается, вместе с ней утрачивается и разумная мотивация продолжать активное дискурсивное противостояние. Ожидаемая полезность спора при этом может пониматься по-разному и включать в себя компоненты весьма различной природы. Интерес в этой связи представляют собой споры о таких предметах, по поводу которых любой исход обсуждения имеет, как кажется, небольшую ценность, например, споры о невозможных объектах, неосуществимых действиях и о недостижимых результатах. Еще до начала спора у нас имеются веские основания полагать, что никакая выработанная по итогам спора позиция не может быть эффективным руководством для достижения институциональной цели спора, т.е. для совершения действия, оптимально разрешающего проблемную ситуацию.

Дабы устранить возможные разночтения, оговоримся, что невозможность в пределах данной статьи всякий раз следует понимать в смысле *практической модальности*, т.е. модальности, характеризующей класс возможностей, достижимых для конкретного агента («Я не могу пробежать марафонскую дистанцию за 4 часа, хотя Василий может») или для представителей некоторого сообщества агентов («На данный момент мы не способны осуществить пилотируемую миссию и высадиться на поверхности Меркурия»). В приведенных выше примерах речь идет о действиях и положениях дел, которые возможны логически, метафизически и даже физически, т.е. их реализация совместима с логическими законами и законами природы. Тем не

менее такой совместимости оказывается недостаточно, чтобы мы имели основания ожидать, что в результате таких споров будет сформирована консенсусная позиция, способная стать руководством к эффективным действиям. Более того, у нас нет не только оснований верить в достижимость подобной позиции, но у нас также имеются веские основания *не* верить в ее достижимость. Причем, что характерно для споров подобного вида, такими скептическими основаниями являются не доводы против достижимости какой-либо единой консенсусной позиции по исходному вопросу (это еще, быть может, вполне достижимо), но веские основания сомневаться в том, что какая-либо консенсусная позиция, будь она даже достигнута, способна стать руководством для согласованных действий участников спора, которые приведут к заявленным изменениям положений дел в мире.

Ниже в связи с понятием прагматической пресуппозиции мы рассмотрим сначала общие условия осмысленности спора, затем в рамках трехчастной модели спора цели споров о невозможном будут соотнесены с прагматическими пресуппозициями участвующих сторон. После этого мы более подробно проанализируем споры о невозможном применительно к действиям.

Прагматические пресуппозиции сторон и преследуемые ими цели спора

Различие между практически возможным и невозможным по своей структуре близко к различию существующего и несуществующего, которое на дискурсивном уровне проявляется в вариантах языковых игр [1. Р. 81–82, 100]. Споры являются языковыми играми более, чем какие-либо иные дискурсивные взаимодействия [2], и различным практическим модальностям возможного соответствуют различные правила языковых игр и различные *прагматические пресуппозиции* [3], отклонение от которых либо лишает спор смысла, либо придает ему другое качество. Такие пресуппозиции первичны по отношению к правилам, поскольку их образуют знания и убеждения участников коммуникации относительно причинных связей фрагмента мира и агентности, т.е. способности тех или иных людей выступать причинами тех или иных событий.

Пусть, например, спор об исправлении прошлых ошибочных действий ведут врачи. Они при этом исходят из того, что пациент скончался вследствие принятия одних или непринятия других мер, так что известие о том, что он отравлен наследниками, делает их спор бессмысленным. Тот же эффект имеет сообщение о том, что почивший обращался к врачам лишь для вида, не верил в медицину, а лекарств не принимал. Для осмысленности спора о совершенных действиях необходимо, чтобы неудачный ход событий определялся действиями акторов, и предположение об этом должны разделять как спорящие, так и наблюдатели. Проверка того, так это или нет, составляет косвенную и метадискурсивную цель такого спора, в то время как прямая его цель – выявление ошибок и установление меры ответственности.

Ставится ли названная метадискурсивная цель изначально, т.е., например, тогда, когда врачи были заняты лечением? Так обычно не происходит, если спор разворачивается в рамках социального института. Поскольку компонентами всякого института являются наборы норм и ролей, несущие с собой схемы причинности явлений, участники коммуникации принимают их по

умолчанию. Если их не разделять, то коммуникация, сохраняя видимость осмысленной, теряет прямую цель и прямой смысл. Можно, например, подобно Милану Кундере не верить в астрологию, но зарабатывать на жизнь составлением гороскопов и иной астрологической практикой для клиентов, которые в нее верят, сочинять астрологические трактаты и участвовать в ученых дискуссиях. Прямые цели – установление истины и платная практическая помощь, замещаются в этом случае косвенными – сохранением социальных связей, статуса и доходов. Если предположить, что ни один астролог не верит в астрологию, то институт превращается в антиинститут, т.е. выдает себя за полезное для общества образование, на самом же деле служа интересам группы лиц. Тогда споры астрологов, имеющие прямую цель, должны касаться чего угодно, кроме астрологии, например, вопроса о том, как лучше продавать гороскопы в эпоху популярности *science fiction*, как связано доверие к астрологии с уровнем инфляции и пр. Сам институт прекращает свое существование, когда исчезает последний доверяющий астрологам клиент. Институты, учрежденные формально, более устойчивы. Если в университетскую программу богословие включено как обязательный курс, но ни профессор, ни студенты не видят в нем никакой пользы и являются вдобавок атеистами, то их языковая игра имеет целью имитацию процесса обучения. Участники не в силах разучредить институт, а потому исполняют соответствующие роли и следуют нормам, преследуя косвенные цели¹.

Прямой целью спора мы будем считать его институциональную цель, т.е. достижение общей позиции, направленной на решение обсуждаемой проблемы. *Косвенной целью* спора мы будем считать любую преследуемую сторонами цель, отличную от прямой.

Будем исходить из того, что в нашей модели имеются три этапа: спор о повестке [5], обсуждение существа дела и делиберация о действии. На всех этапах действуют свои паттерны аргументации, так что спор как целое представляет собой сложный коммуникативный процесс.

Итак, прагматическая пресуппозиция, или картина определенных причинных связей мира и распределения агентности стоит за каждым спором как языковой игрой. При этом стороны и участники спора могут знать или не знать об установках друг друга, а также интересоваться или не интересоваться такими установками. Вопрос о том, разделяется ли сторонами и участниками спора его прагматическая пресуппозиция, указывает на виды косвенной цели спора.

В самом деле, если стороны не разделяют пресуппозицию, то их цель состоит в том, чтобы манипулировать либо друг другом, либо аудиторией – третьими лицами, ради влияния на которых ведется сам спор. Такой спор называется *тертиарным* [6. С. 276]. Если же пресуппозиция не разделяется аудиторией, то для нее спор может быть интересен как источник знания об установках и намерениях сторон, в конечном счете дающий также возможность ими манипулировать. Когда и спорящие, и наблюдатели не разделяют

---

¹ В русском университете николаевских времен и студенты, и профессора обязаны были говеть, исповедоваться и причащаться святых даров в университетской церкви или представлять свидетельства из своих домовых приходов. Это было условием нахождения в университете [4. С. 169], а значит, реализовывалось одними всерьез, другими – в виде имитации. В советские времена это относилось к партийным, комсомольским, профсоюзным собраниям, праздничным демонстрациям и прочим организованным сверху мероприятиям.

пресуппозиции спора, его цель для них определяется тем, знают ли они об установках друг друга. Если знают, то косвенная цель такого спора будет *метадискурсивной* в том смысле, что для достижения ожидаемого эффекта оказывается необходимым полноценное развертывание дискурса, использование которого в перспективе институциональной цели сторонами только имитируется.

Можно указать несколько целей метадискурсивного спора: (1) поддержание статуса участников, социального института и самого института спора в глазах внешней аудитории (четвертой стороны) или общества в целом самим фактом реализации спора как формы публичной делиберации; (2) оказание влияния на эту четвертую сторону содержанием и ходом спора; (3) ироническая дискредитация предмета спора, социального института, в котором он развертывается, или же самого института спора; (4) обновление дискурсивных навыков участников. Все эти цели, кроме последней, предполагают наблюдающую четвертую сторону, для того или иного воздействия на которую посредством имитации стороны спора и его непосредственная аудитория объединяются и действуют сообща. Так выглядит, например, языковая игра «отрепетированное школьное комсомольское собрание, которое инспектирует представитель райкома», которая должна продемонстрировать, что «все все понимают правильно», т.е. что старшеклассники достаточно зрелы для того, чтобы осознанно разыгрывать, а не проводить собрание. Другим примером может послужить игра «интеллектуалы обсуждают экономические проблемы на государственном телевидении в *prime time*», которая отвечает условию легитимации Хабермаса, согласно которому граждане могут не вникать в актуальную политику, но должны быть уверены в том, что, если потребуется, то им в любой момент будут предъявлены внятные и убедительные аргументы в пользу тех или иных принятых решений и что на основании таких аргументов решения систематически принимаются [7. С. 177–179]. Или, наконец, игра «вручение наград киноакадемии, распределенных, в том числе, в соответствии с расовыми, гендерными и иными балансами», задачей которой является показать, что в дискуссии о наградах профессиональное сообщество учитывает социальный заказ и политические тренды.

Когда стороны спора не знают о том, разделяют ли слушатели его прагматическую пресуппозицию, спор несет для них риск, поэтому еще одной метадискурсивной целью оказывается выявление установок аудитории. Школьной администрации и старшеклассникам нет смысла разыгрывать комсомольское собрание, а молодым карьеристам из райкома – его инспектирование, если комсомол вчера распущен. Бесполезно пытаться убедить общество в том, что решения принимаются компетентно и могут быть всегда объяснены, если экономический кризис подорвал доверие аудитории к правящей элите. Пустыми хлопотами будет демонстрация приверженности эмансипации меньшинств перед сторонниками сохранения дискриминаций. Поэтому оптимальной риторической стратегией при выявлении установок аудитории в тертиарном споре является перебор возможных сюжетов с низкой интенсивностью вовлечения спорящих сторон и наблюдение за реакцией. Здесь обе стороны спора действуют заодно до тех пор, пока установки аудитории не будут достаточно определены. Лишь после этого стороны предпринимают маневры с целью сфокусировать обсуждение на выгодных для них темах.

Непростые прагматические комбинации возникают в том случае, если спорящие стороны преследуют разные цели, т.е. одна – прямую, а другая – косвенную, при том что такое же расхождение целей имеет место и для аудитории. Так бывает при обсуждении вопросов, от которых сторонам невозможно уклониться без потери лица, как это было в ставшей популярным примером дискуссии Греты Тунберг и Дональда Трампа в Давосе в январе 2020 г. [8]. Тунберг выполняет здесь функцию избранного представителя окружающей среды и человечества [9], лидера нового экологического движения. Трампу же эти экологические вопросы не интересны по существу, а его политическая программа построена, в частности, на отрицании их актуальности. Но новое экологическое движение становится влиятельным, и избиратели Трампа начинают интересоваться тем, является ли экологическая проблема действительной или выдуманной. Это вынуждает Трампа участвовать в споре с Тунберг, который является спором о повестке, т.е. его предмет – начинать или нет всеобъемлющее и институциональное обсуждение экологической проблемы. Будучи инициативной стороной, Тунберг стремится как к переубеждению нейтральной или несогласной с ней аудитории, так и к формированию условий для развертывания дискуссии по существу экологической проблемы и последующей делиберации о действиях. Отсюда и паттерны аргументации: отсылки к «очевидному и общеизвестному»; оперирование тенденциозно подобранными данными; морально окрашенные требования признания субъектности инициативной стороны; отождествление ее интереса с публичным; подчеркивание нейтральности по отношению к действующим и предлагаемым институтам; критика контролирующей стороны как использующей публичные институты для реализации частных целей, прежде всего для блокирования активности новых социальных сил. Цели Тунберг в споре следующие: заявить субъектность нового движения, заставить признать его на дискурсивном уровне, обновить поддержку со стороны сочувствующих, привлечь колеблющихся содержательными аргументами и демонстрацией усиления своего влияния, убедить элиты в том, что с новой силой придется считаться. Цели Трампа иные: показать своим сторонникам, колеблющейся части аудитории и элитам, что он контролирует повестку, в состоянии противодействовать новым силам, в том числе и на уровне рациональной аргументации.

Прагматическая пресуппозиция данного спора, поскольку он тертиарный и посвящен повестке, состоит в том, что часть аудитории считает экологическую проблему насущной и поддерживает требование начать ее институциональное обсуждение, полагая также, что можно обрести достоверное знание и на его основе принять правильные решения, в то время как другая часть настроена нейтрально или противоположно, и что исход спора о повестке решается сохранением или перераспределением предпочтений аудитории в результате спора. Здесь в прагматической пресуппозиции обнаруживаются две схемы причинных отношений, одна из которых, отражающая содержание экологической проблемы, разделяется только Тунберг и ее сторонниками, в то время как вторая, отражающая обстоятельства борьбы за повестку, разделяется всеми. Иными словами, все участники коммуникации уверены в своей агентности в границах дискурсивных действий, а причинные отношения воспроизводят противоборство между инициативной и контролирующей группами, представленными Тунберг и Трампом, при участии аудитории.

Отметим, что прямые цели, которые присутствуют у Гунберг, поглощаются косвенными, а исследование установок аудитории делает спор метадискурсивным. Происходит это потому, что совместимость или несовместимость различных целей спора определяется прагматической пресуппозицией. Нельзя обсуждать экологические проблемы, желая повлиять на аудиторию, отрицаящую их существование, а равно нельзя отказываться рассматривать экологические проблемы, желая повлиять на аудиторию, которая обсуждает их по существу или ждет такого обсуждения.

Дебаты о существе дела – это второй этап спора, когда борьба за его повестку уже завершена, и его прагматическая пресуппозиция состоит в том, что агенты-акторы могут получить знание, которое позволит достичь консенсуса по поводу действий, необходимых для решения исходной проблемы, тогда как пресуппозиция спора о повестке сводится к оценке роли самой аудитории, социального института и соотношения сил групп при формировании повестки, т.е. не включает прямо характеристик знания, природы или общества. Эта «внутренняя» сфера спора имеет меньше ограничений, здесь меньше невозможного, поэтому достижение целей здесь оказывается более простым, что неизбежно редуцирует сложную цель спора к его косвенным компонентам.

Спор о повестке всегда предполагает перспективу – обсуждение существа дела и де-libерацию о действии, но эффективность второго и третьего этапов в наиболее интересных случаях не видна, поэтому, борясь за экологическую повестку, инициативная группа может лишь надеяться на то, что экологическая проблема будет решаться благодаря обсуждениям по существу и соответствующим действиям. Самая сильная критика этого движения содержится в отрицании прагматической презумпции, т.е. возникает тогда, когда кто-либо возьмется утверждать, что состояние окружающей среды имеет очень слабую причинную зависимость от активности человека. Это подрывает саму возможность успешно действовать и лишает смысла обсуждение того, как надо действовать. Споры по существу и споры о действиях здесь становятся спорами о невозможном, поскольку удостовериться в недостижимости знания или решения можно как раз в ходе спора по существу и в де-libерации о действии, а спор о повестке остается спором о возможном.

Тертиарные споры о невозможных действиях, когда мы знаем, что они невозможны

Практическая модальность невозможного соотносится для предмета спора с тремя его этапами и тремя несовпадающими содержаниями, тогда как прагматическая пресуппозиция во всех случаях придает спору смысл. Здесь следует отметить три аспекта.

Во-первых, если невозможное является предметом спора о повестке, то речь идет о невозможном для социального института, т.е. для решений тех или иных людей. Во-вторых, невозможное в споре по существу относится к знанию и означает, что в таком споре невозможно оперировать знанием, которым мы не обладаем, и столь же невозможно игнорировать то знание, которое нам известно. В-третьих, невозможное в де-libерации о действии принимает вид прошлых ошибочных действий, а также недостижимых актуальных или будущих действий. Характер невозможного здесь разный.

В споре о повестке интенсивность практически невозможного является наименьшей, поскольку причинные отношения не выходят за пределы сообществ и институтов, где, в конечном счете, все происходящее есть продукт речевых действий участников. В дебатах по существу мы сталкиваемся как с тем, что имеющееся знание не так просто дисквалифицировать, так и с тем, что недостающее знание еще сложнее обрести. И первое и второе бывает недостижимым. Наконец, в делиберации о действии невозможное оказывается наиболее интересным и поучительным, поскольку совершение действий и интерпретация их результатов – это финал разрешения проблемной ситуации. Здесь мы узнаем, верны ли были наши или, быть может, не наши действия, опирались ли они на надежные знания и имело ли смысл вносить сам вопрос в повестку. Отрицательные ответы по первым двум пунктам означают, что делиберация о действии либо опиралась на неверное знание, либо была провалена как процедура и что обсуждение по существу либо не оперировало достаточным объемом верного знания, либо не позволило отличить его от неверного. Если же выясняется, что сторонами не разделяется вся прагматическая пресуппозиция споров о повестке и по существу, то ошибочным мы сочтем само внесение вопроса в повестку, ведь он оказывается вне эпистемической доступности для агентов и вне причинной зависимости от их действий.

Остановимся теперь более подробно на спорах о действиях. Предметы споров такого рода мы делим на три группы: споры о невозможном изменении прошлого, или споры о совершенных действиях; споры о невозможном изменении настоящего, или о контрфактическом; споры о невозможном будущем. К первой группе относятся споры о том, как надо было действовать ранее, например, чтобы предотвратить случившееся сокращение часов, выделяемых на преподавание философских дисциплин; ко второй – о том, какие наши действия, отличные от тех, что мы предпринимаем, привели бы к желаемой цели. Здесь примером могут быть дебаты о том, выросла бы эффективность обучения, если бы вместо поверхностного изучения студентами большого количества дисциплин они глубже изучали меньшее их количество. К третьей группе относятся споры о будущих действиях, например, что потребует сделать, чтобы самая слабая сегодня футбольная команда завоевала чемпионский титул и удерживала его или чтобы все люди отказались от потребления как жизненной стратегии, молодежь оставила гаджеты и начала читать книги, а курильщики бросили курить.

Помимо трехчастной классификации предметов спора мы также введем два типа стратегий ведения споров о невозможном. Первый тип стратегии в таком случае предполагает, что участник спора осознает заведомую недостижимость обсуждаемого предмета, тогда как второй тип стратегии предполагает, что участник спора не осознает того, что предмет спора в любом случае недостижим, какими бы ни были последующие действия полемизирующих сторон.

Ясно, что по поводу споров о совершенных действиях участники не могут придерживаться второго типа стратегии. Всякий агент понимает, что к какому бы итогу мы ни пришли в вопросе о том, как нам следовало действовать в момент появления угрозы для философских дисциплин, дабы предотвратить их сокращение, найденное «решение спора» не способно позволить нам предпринять согласованные действия по предотвращению этого сокра-

щения, поскольку теперь уже слишком поздно. Соответственно, любой спор подобного рода ведется участниками с позиций стратегий первого типа.

Для большей ясности уточним, что в обсуждаемом нами примере предметом спора является не вопрос о том, следовало ли или не следовало противодействовать сокращению преподавания философии. Также в данном воображаемом споре не ставится под вопрос, возможно ли было какими-либо действиями сохранить философские дисциплины в полном объеме. Пусть участники нашего воображаемого спора в данных вопросах согласны между собой и считают, что сохранение философских дисциплин было возможно и для этого следовало предпринять те или иные усилия. Однако мы можем представить себе, что предметом их спора является вопрос о том, *какие именно* усилия позволяли сохранить философские дисциплины. Одна сторона, например, полагает, что наиболее эффективным средством сопротивления было бы радикальное обновление их содержания и придание им большей привлекательности для студентов, тогда как другая сторона, напротив, полагает, что для этого требовалось в первую очередь сформировать новую группу экспертов, способную убедить академическое начальство.

Ясно, что в плане достижения прямых прагматических целей подобный спор представляется заведомо дефектным. Ведь любое изменение эпистемического состояния кого-либо из участников спора или кого-либо среди представителей аудитории, будь даже оно достигнуто, не способно иметь своим следствием формирование каких-либо ясных намерений и вытекающих из них действий. Однако помимо прямых целей спорящие агенты могут также преследовать косвенные цели спора, к числу которых относятся, например, демонстрация агентом своих риторических способностей, признание говорящего в качестве полноценного актора в публичном пространстве, чья позиция заслуживает внимания, критики и обсуждения, подрыв статуса или репутации оппонента в глазах определенной аудитории. Так, например, оратор, убедивший всех присутствующих в том, что он знает, как можно было сохранить философские дисциплины, создает тем самым благоприятные условия для того, чтобы убедить эту же аудиторию в том, что он знает, как реализовать эту цель прямо сейчас. Подобный результат, будь он достигнут, наделяет оратора желаемым статусом в глазах его целевой аудитории, нарисовать возможный мир, в котором именно этот человек совершает те или иные желаемые аудиторией действия. В создании таких благоприятных условий, повышении авторитета и улучшении публичной репутации заключается одна из наиболее очевидных прагматических целей ведения агентами подобных споров о заведомо невозможном изменении событий прошлого.

В терминах DEAPS-системы шкал для многомерных споров¹ такой спор может быть охарактеризован как тертиарный спор о статусе, в котором переубеждение оппонента должно оказать влияние на аудиторию. В пользу того, что прагматические цели такого спора, как правило, являются косвенными, говорит то обстоятельство, что достижение тех же целей могло бы быть реализовано оппонентами в результате споров по поводу совершенно иного предмета.

---

¹ Шкала оценки результативности споров DEAPS включает оценку в пяти аспектах: декларирование позиции, эпистемическая динамика оппонента, акциональность (реагирование действием), влияние на аудиторию (публичный эффект), влияние на статус [6. С. 267].

Когда от споров о прошлом мы переходим к спорам по поводу недостижимых событий в настоящем и будущем, пространство для достижения агентами прямых прагматических целей несколько расширяется. Это происходит за счет того, что ближайшей прямой целью подобного спора в этом случае может выступать формирование *намерения* действовать тем или иным образом. И даже если реализация намерения заведомо неосуществима, о чем в рамках стратегии первого типа известно дискутирующим оппонентам, такое намерение все равно может сформироваться, особенно у представителей аудитории спора, что может выступать прямой целью данного спора.

Например, представитель футбольного клуба, являющегося безоговорочным аутсайдером лиги, может в рамках дискуссии со своим оппонентом преследовать в качестве цели склонение аудитории к убеждению о том, что если данная аудитория будет приходить на все матчи сезона и активно болеть за свою команду, то эта команда-аутсайдер непременно выиграет чемпионат. Достижение такого эффекта может представлять собой прямую прагматическую цель спора о заведомо невозможном.

В терминах DEAPS-системы шкал для многомерных споров подобный спор может быть квалифицирован как тертиарный спор о статусе, предполагающий достижение влияния на аудиторию вне зависимости от реакции оппонента.

Следует отметить, что важнейший аспект споров о заведомо невозможном состоит в том, что любая попытка достичь заведомо невозможного способна иметь позитивные последствия даже в том случае, если полностью реализовать заявленное изначально не было ни единого шанса.

Пусть, например, имеется команда-аутсайдер, болельщиков которой в результате изощренных риторических усилий, проявленных в споре представителем клуба, удалось убедить в том, что эта команда способна стать чемпионом и которые в силу этой убежденности посещали в течение всего сезона все матчи своей команды и активно ее поддерживали. В этом случае такая команда хотя и не способна в силу одной лишь поддержки своих болельщиков стать чемпионом, но все же будет способна занять более высокое место в чемпионате, чем без поддержки своих болельщиков. Аналогичным образом в спорах о том, как нам сделать так, чтобы молодежь обратилась к чтению книг, а курильщики оставили свое пагубное увлечение, мы вполне способны достичь формирования как у наших оппонентов, так и у аудитории таких интенций, которые хоть и не позволят решить заявленную задачу в полном объеме, но будут способны привести к некоторым улучшениям.

Такого рода косвенные цели, будучи распознаны сторонами спора и аудиторией, становятся вторым планом его прагматической пресуппозиции и придают ему смысл. И можем считать, что, поскольку споры о невозможном мы ведем иногда даже чаще, чем споры о возможном, такие цели нам хорошо знакомы и всегда актуальны.

Споры в условиях незнания о том, достигим ли предмет спора

Перейдем теперь к исследованию особенностей споров о невозможном, которые ведутся в рамках стратегий второго типа, т.е. в условиях, когда агенты не отдают себе отчета в недостижимости предмета спора. На первый взгляд может показаться, что такие споры не имеют никакой значимой спе-

цифики по сравнению с обычными спорами, в рамках которых агенты преследуют в качестве основной коммуникативной цели формирование у оппонента и аудитории определенной интенции, предполагающей совершение некоторых действий в ближайшем или отдаленном будущем. В самом деле, если мы присутствуем на публичном диспуте о наиболее эффективных путях скорейшего перехода человечества от потребительства к умеренности в расходовании ресурсов, то все функциональные элементы подобного диспута могут ничем не отличаться от тех, что мы наблюдаем в рамках любого практического спора на более традиционную тематику¹. То же касается споров об эффективных стратегиях скорейшего перехода человечества исключительно на возобновляемые источники энергии и полном отказе от применения углеводородных видов топлива, или споров о том, как нам добиться, чтобы молодежь вернулась к чтению книг, а курильщики отказались от курения. И хотя споры на подобные темы действительно могут быть внешне похожи на обычные споры, в них все же можно усмотреть нечто интеллектуально порочное. Порочное начало в данном случае коренится в том, что в основе протекания подобных споров лежит наличие у спорящих агентов некоторых убеждений, которые представляют собой очевидный пример *wishful thinking*.

С. Дэвис определяет *wishful thinking* как «наличие у агента убеждения в истинности некоторой пропозиции не в силу свидетельств в пользу ее истинности, а в силу желания, чтобы эта пропозиция была истинной» [10. P. 234]. Начать анализ этого явления стоит с указания на то, что принятие всякого убеждения само по себе представляет собой вид ментального действия. Соответственно, условием принятия любого убеждения является наличие у агента *мотивирующего состояния*, склоняющего к принятию этого убеждения. При этом в роли мотивирующих состояний выступают состояния двух типов: во-первых, обладание хорошими основаниями, вытекающими из фактов, имеющих место в мире, и, во-вторых, обладание желаниями. Ясно, что никаких хороших оснований верить в скорую достижимость положения дел, при котором молодежь возьмется за книги, не существует. В силу отсутствия подобных оснований агентам весьма затруднительно ими обладать, так что единственное, что может мотивировать агентов принять убеждения о перспективах повышения популярности чтения, – это желания. Возникает вопрос: насколько порочно для агентов при формировании собственных убеждений руководствоваться своими желаниями?

Мнения исследователей по этому поводу разнятся. Так, хорошо известна позиция У. Клиффорда: «Всегда, везде и для каждого ошибочно иметь какое-либо убеждение без достаточных на то оснований» [11. С. 45]. В свою очередь, Д. Миллер указывает на то, что *wishful thinking* лежит в основе множества деструктивных действий, таких как, например, объявление войны [12. P. 553]. В самом деле, лишь малая часть страданий, испытываемых людьми, представляет собой результат их намеренного причинения. Большая их часть представляет собой следствие разного рода заблуждений, которые были вос-

---

¹ Здесь и далее мы исходим из того, что все спорящие стороны придерживаются второго типа стратегии в спорах о невозможном, т.е. что все стороны искренни в своих стремлениях достичь прямых прагматических целей спора, которые сопряжены с формированием у оппонентов и аудитории определенных интенций и склонностей к действию.

приняты агентами без достаточных на то оснований под воздействием личных желаний и склонностей думать тем или иным образом.

Однако далеко не всякое заблуждение свидетельствует о *wishful thinking*. В самом деле, рассмотрим структуру практического рассуждения. Она состоит из двух блоков посылок и заключения:

(1.1) *a* хочет, чтобы имело место *p*.

(1.2) *a* хочет, чтобы имело место *q*.

...

(2.1) *a* полагает, что имеет место *v*.

(2.2) *a* полагает, что если имеет место *p*, то имеет место *s*.

(2.3) *a* полагает, что для того, чтобы имело место *q*, необходимо, чтобы имело место *t*.

...

---

(3) *a* намеревается сделать так, чтобы имело место *r*.

Конкретная логическая форма того или иного практического рассуждения нас в данном случае не интересует, будем считать, что она корректна. Для нас существенно различие между возможными позициями по следующему основанию. Некоторые авторы, такие как Д. Парфит [13. Р. 46–47] и Т. Скэнлон [14. Р. 44], полагают, что для того, чтобы заключение практического рассуждения можно было признать обоснованным, требуется, чтобы у нас имелись хорошие основания принимать не только все наши релевантные убеждения, т.е. посылки из второго блока, но и все наши релевантные желания, т.е. посылки из первого блока. Соответственно, наличие у агента произвольных, ничем не обоснованных желаний, по мнению этих авторов, не способно служить достаточным обоснованием для их действий. Более классическая субъективистская трактовка практических рассуждений полагает, что обоснованность заключения практического рассуждения зависит исключительно от обоснованности убеждений агента, т.е. от посылок из второго блока, тогда как посылки из первого могут быть приняты произвольно и не требуют каких-либо оснований. Наконец, согласно третьей точке зрения, характерной, например, для У. Джеймса, заключения практических рассуждений могут признаваться обоснованными даже в тех случаях, когда не все релевантные убеждения агента являются обоснованными [15]. Такое происходит тогда, когда у агента имеются некоторые сопоставимые по силе основания в пользу несовместимых релевантных убеждений, а ситуация требует в любом случае принять какое-либо решение о действии и не оставляет возможности от этого уклониться. В таких случаях агент вправе проявить *волю к вере* и избрать то из несовместимых друг с другом убеждений, которое ему ближе и предпочтительнее. Заключение практического рассуждения в этом случае, по мнению Джеймса, не станет от этого необоснованным.

Ясно при этом, что в основе позиций агентов, спорящих о наиболее эффективных путях достижения положения дел, при котором молодежь в едином порыве обратилась к практикам запойного чтения, лежит *wishful thinking* вне зависимости от того, какой именно трактовки практических рассуждений мы придерживаемся. В самом деле, ни один агент, выбирающий между двумя несовместимыми убеждениями вида «для того, чтобы молодежь массово обратилась к чтению художественных книг, достаточно сделать *p*» и «для того,

чтобы молодежь массово обратилась к чтению художественных книг, достаточно сделать *q*» не может иметь в их пользу сопоставимые основания, поскольку в пользу таких убеждений вообще едва ли существуют какие-либо основания. Соответственно, такого рода установки не могут быть предметом воли к вере в том виде, в каком она отстаивается У. Джеймсом.

Прагматическая пресуппозиция спора, содержание которой ставит под вопрос достижимость его институциональной цели, но не дает на него ответа, оказывается двусмысленной. Вести такой спор означает дать положительный ответ, не имея на то других оснований, кроме собственных желаний, а это означает идти на риск как в связи с потерей тех или иных ресурсов, так и в связи с дискредитацией практики проявлений воли. Отказ же от ведения спора часто невыгоден в связи с тем, что оказываются не достигнутыми те или иные косвенные цели. Обычная стратегия в ситуации, когда приходится участвовать в споре, достижимость результата которого неопределенна, – это снижение интенсивности участия, прежде всего личного вовлечения, и дополнение набора целей спора косвенными, например, целью демонстрации присутствия в дискурсивном поле и статуса полноценного участника делиберации.

Заключение

Спор о невозможном, в зависимости от того, на каком этапе дискурсивного столкновения он разворачивается, всегда предполагает стремление к достижению косвенных целей. В некоторых случаях этот спор становится метадискурсивным, т.е. имеет целью раскрытие прагматической пресуппозиции спора по существу для его дифференциации от спора о повестке. Пресуппозиция последнего содержит описание причинных связей и представление об агентности участников, тогда как для спора по существу ее содержание отписывает причинность внешних явлений. Столкновение различных по своей природе целей, преследуемых сторонами, приводит к поглощению прямых целей спора косвенными, что отражается в замещении в прагматической пресуппозиции первого плана вторым, отражающим устройство дискурса. При переходе к спорам о невозможных действиях обнаруживаются два типа прагматических пресуппозиций. Если агенты исходят из осознания невозможности этих действий, то спор является интеллектуально приемлемой практикой и характеризуется определенным набором косвенных целей, преследуемых агентами. Если же агенты игнорируют отсутствие достаточных оснований для убеждений в реализуемости обсуждаемых действий и принимают возможность действия просто потому, что это отражает их желания, то прагматическая пресуппозиция такого спора оказывается двусмысленной. Практику ведения подобных споров следует признать интеллектуально порочной, подтверждением чему служит существование ряда способов уклонения от такого рода споров и их трансформации в понятный спор с косвенными целями.

Список источников

1. *Chakrabarti A.* Denying Existence: The Logic, Epistemology and Pragmatics of Negative Existentials and Fictional Discourse. Dordrecht : Kluwer, 1997. 276 p.
2. *Weigand E.* Argumentation: The Mixed Game // *Argumentation*. 2006. Vol. 20. P. 59–87.

3. Stalnaker R.C. Pragmatic Presuppositions // Stalnaker R.C. Context and Content: Essays on Intentionality in Speech and Thought. Oxford : Clarendon Press, 1999. P. 47–62.
4. Жуковская Т.Н., Ашихмин А.В. О религиозности университетского человека, ее основаниях и трансформациях (на материалах Санкт-Петербургского университета XIX века): к постановке проблемы // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 165–180.
5. Елагин Г.Б., Микуртумов И.Б. Спор о повестке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 64. С. 5–15.
6. Лисанюк Е.Н. и др. Формальная философия аргументации / под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб. : Алетейя, 2022. 306 с.
7. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л.В. Воропай. М. : Праксис, 2010. 264 с.
8. Meyer H. et al. Between Calls for Action and Narratives of Denial: Climate Change Attention Structures on Twitter // Media and Communication. 2023. Vol. 11 (1). P. 278–292.
9. Nordensvard J., Ketola M. Populism as an Act of Storytelling: Analyzing the Climate Change Narratives of Donald Trump and Greta Thunberg as Populist Truth-tellers // Environmental Politics. 2022. Vol. 31 (5). P. 861–882.
10. Davis S.T. Wishful Thinking and “The Will to Believe” / Transactions of the S. Charles // Peirce Society. 1972. Vol. 8, № 4. P. 231–245.
11. Клиффорд У.К. Этика убеждения / пер. с англ. и примеч. Ю.В. Горбатовой, Б.В. Фауля // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, № 3. С. 37–53.
12. Miller D.S. James's Doctrine of “The Right to Believe” // The Philosophical Review. 1942. Vol. 51, № 6. P. 541–558.
13. Parfit D. On What Matters. Volume One. New York : Oxford University Press, 2011. 540 p.
14. Scanlon T.M. What We Owe to Each Other. Cambridge MA : Harvard University Press, 1998. 421 p.
15. Джеймс У. Воля к вере / сост. Л.В. Блинников, А.П. Поляков. М. : Республика, 1997. 431 с.

References

1. Chakrabarti, A. (1997) *Denying Existence: The Logic, Epistemology and Pragmatics of Negative Existentials and Fictional Discourse*. Dordrecht: Kluwer.
2. Weigand, E. (2006) Argumentation: The Mixed Game. *Argumentation*. 20. pp. 59–87.
3. Stalnaker, R.C. (1999) *Context and Content: Essays on Intentionality in Speech and Thought*. Oxford: Clarendon Press. pp. 47–62.
4. Zhukovskaya, T.N. & Ashikhmin, A.V. (2021) O religioznosti universitetskogo cheloveka, ee osnovaniyakh i transformatsiyakh (na materialakh Sankt-Peterburgskogo universiteta XIX veka): k postanovke problemy [On the religiosity of a university person, its foundations and transformations (based on materials from the St. Petersburg University of the 19th century): towards the formulation of the problem]. *Khristianskoe chtenie*. 3. pp. 165–180.
5. Elagin, G.B. & Mikirtumov, I.B. (2021) Dispute on the agenda. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State university Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 64. pp. 5–15. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/64/1
6. Lisanyuk, E.N. et al. (2022) *Formal'naya filosofiya argumentatsii* [Formal Philosophy of Argumentation]. St. Petersburg: Aleteyya.
7. Habermas, J. (2010) *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma* [The Problem of Legitimation of Late Capitalism]. Translated from German by L.V. Voropay. Moscow: Praksis.
8. Meyer, H. et al. (2023) Between Calls for Action and Narratives of Denial: Climate Change Attention Structures on Twitter. *Media and Communication*. 11(1). pp. 278–292.
9. Nordensvard, J. & Ketola, M. (2022) Populism as an Act of Storytelling: Analyzing the Climate Change Narratives of Donald Trump and Greta Thunberg as Populist Truth-tellers. *Environmental Politics*. 31(5). pp. 861–882.
10. Davis, S.T. (1972) Wishful Thinking and “The Will to Believe.” *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 8(4). pp. 231–245.
11. Clifford, W.K. (2019) Этика убеждения [Ethics of persuasion]. Translated from English by Yu.V. Gorbatoва, B.V. Faul. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 2019. 3(3). pp. 37–53.
12. Miller, D.S. (1942) James's Doctrine of “The Right to Believe.” *The Philosophical Review*. 51(6). pp. 541–558.
13. Parfit, D. (2011) *On What Matters*. Vol. 1. New York: Oxford University Press.

14. Scanlon, T.M. (1998) *What We Owe to Each Other*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

15. James, W. (1997) *Volya k vere* [The Will to Believe]. Translated from English. Moscow: Respublika.

Сведения об авторах:

Микиртумов И.Б. – доктор философских наук, профессор факультета «Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук и искусств» Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Санкт-Петербург, Россия); старший научный сотрудник Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: imikirtumov@hse.ru

Фролов К.Г. – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН (Москва, Россия); старший научный сотрудник Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kgfrolov@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Mikirtumov I.B. – Dr. Sci. (Philosophy), professor of the Faculty of St. Petersburg School of Humanities and Arts, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia); senior researcher at the Institute of Philosophy of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). E-mail: imikirtumov@hse.ru

Frolov K.G. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher at the Social Epistemology Sector at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); senior researcher at the Institute of Philosophy of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). E-mail: kgfrolov@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.12.2023;
одобрена после рецензирования 17.01.2024; принята к публикации 04.03.2024*

*The article was submitted 15.12.2023;
approved after reviewing 17.01.2024; accepted for publication 04.03.2024*